

ПЛАНИРУЕМ НА СТО ЛЕТ И БОЛЬШЕ

Директор Национального оператора по обращению с радиоактивными отходами Юрий Поляков рассказывает Екатерине Трипотень об итогах первых лет функционирования предприятия, делится планами, поясняет особенности регулирования и оценивает международный опыт в этой сфере.

— Скажите, какие задачи ставились перед вашим предприятием при его создании? Все ли они выполнены?

— Прежде всего, сформироваться как полноценная эксплуатирующая организация. И начать подбор мест для размещения пунктов финальной изоляции радиоактивных отходов. В целом эти задачи у нас выполнены.

Мы создались, определились с планами и получили в оперативное управление имущественные комплексы трех пунктов захоронения жидких радиоактивных отходов: в Железногорске, Северске и Димитровграде.

— А вы эти хранилища просто в управление взяли? Или вам имущество было передано в капитал?

— По СХК в соответствии с ФЗ № 190 «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» имущество было выкуплено корпорацией, сейчас происходит процесс его передачи нам через дарение в федеральную собственность и закрепление Росимуществом за нами.

Пункт захоронения радиоактивных отходов ГХК был передан нам в хозяйственное ведение приказом госкорпорации «Росатом».

Однако суть не в том, в чьей собственности находится актив, а в том, у кого лицензия, то есть на ком лежит ответственность за его безопасную эксплуатацию. Долгое время мы брали активы в аренду сначала у комбинатов, потом у госкорпорации, но при этом ответственность за безопасность лежала на лицензиаре, то есть на нас.

— Аналогичная ситуация, насколько я поняла, с пунктом захоронения на УЭХК, который сам построил хранилище?

— Да, ровно то же самое происходит с УЭХК.

— Почему создание НО РАО выделялось в самостоятельную задачу? Что в этом сложного?

— Процесс был сложный с точки зрения выбора подходящей организационно-правовой формы под такую специфическую деятельность, как наша. И госкорпорация много времени потратила на поиск оптимальной модели. Несколько вариантов рассматривалось, в результате остановились на ФГУП.

— Почему форма ФГУПа была признана оптимальной? Ведь тенденция в современной России обратная — акционирование?

— Согласно законодательству, пункты захоронения могут находиться исключительно в собственности Российской Федерации: федеральной либо госкорпорации. Поэтому необходимо было найти форму, позволяющую эксплуатировать имущество, которое может находиться и там, и там. По большому счету, мы выбрали между частным учреждением в составе госкорпорации и ФГУПом. Формы АО и ООО перестали рассматриваться достаточно быстро.

Это первая причина. Вторая связана с типом финансирования нашей деятельности и длиной горизонта, на которую приходится планировать работу. У нашего предприятия, пожалуй, самый длительный срок планирования в отрасли — 100 лет и больше. Значит, нам надо собирать деньги с таким расчетом, что часть их наши последователи будут тратить лет через 70, 80, 100. Ясно, что организации другой организационно-правовой формы существовать столетиями вряд ли смогут.

Возвращаясь к вопросу о задачах: конечно же, важнейшими из них были формирование плана работы и выбор схемы финансирования.

— Есть ли у НО РАО стратегия, которая бы определяла вектор развития и планы?

— Наши планы описаны в документах, нетипичных для отрасли. В соответствии с законодательством, Росатом и Минприроды принимают два документа, которые являются для нас стратегическими: производственная и инвестиционная программы национального оператора. В этих документах фиксируются наши задачи — как на краткосрочную перспективу, так и на много лет вперед. И они служат основой для формирования тарифов на захоронение.

— Инвестиционную программу, по-моему, утвердили еще в 2013 году. За это время какие-то параметры изменились?

— Ее утвердили, но что дальше начало происходить? Закон начал работать. Появилась обязанность захоранивать отходы, определились принципы формирования стоимости услуг. Отраслевые предприятия, которые раньше не очень заботились о РАО, увидев, что теперь это платная

услуга, стали достаточно сильно снижать объем образования РАО. Это, кстати, само по себе — большое благо и для отрасли, и для страны.

Тем не менее эта тенденция усложнила оценку необходимого числа хранилищ. Нам нужно было спрогнозировать работу таким образом, чтобы в условиях снижающегося объема с одной стороны, обеспечить необходимую инфраструктуру, а с другой — получить финансово сбалансированную стоимость услуги по финальной изоляции РАО. Поэтому перед нами стояла непростая задача, сейчас она практически выполнена, на утверждении находятся новые производственная и инвестиционная программы: они согласовываются с Минприроды, далее утверждают госкорпорацией.

— Вы упомянули Минприроды... Скажите, пожалуйста, каково нацоператору работать под двумя министерствами одновременно, ведь госкорпорация — это по сути министерство в атомной энергетике. По идее, у двух организаций специфика разная. Как происходит взаимодействие? Возникают ли в этом плане какие-то проблемы?

— Круг регуляторов нашей деятельности не ограничивается двумя организациями.

Естественно, госкорпорация — это материнская организация, полномочия которой описаны законом: в первую очередь, управление нами, осуществление финансирования. Ну и, в конце концов, мы — ФГУП, которое госкорпорации подведомственно.

Минприроды осуществляет экологический контроль, в широком смысле этого слова: вода, лес и другие природоохранные аспекты нашей деятельности.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОТХОДОВ

К 1-му классу относятся высокоактивные отходы (ВАО) с высоким тепловыделением в твердой форме. 2-й класс — это твердые радиоактивные отходы (ТРО), отработавшие источники ионизирующего излучения (ОИИИ) первой

и второй категорий, ВАО с низким тепловыделением, а также долгоживущие среднеактивные отходы (САО). 3-й класс РАО — это ТРО, ОИИИ третьей категории, короткоживущие РАО, долгоживущие низкоактивные отходы (НАО). К 4-му классу относятся ТРО, ОИИИ

четвертой и пятой категорий, короткоживущие НАО, долгоживущие очень низкоактивные отходы (ОНАО). В 5-й класс входят жидкие радиоактивные отходы (ЖРО), короткоживущие САО, долгоживущие НАО. В 6-й — ТРО, которые образуются при добыче и переработке урано-

вых руд, сырья с повышенным содержанием природных радионуклидов.

Отходы — это материалы, оборудование, изделия, отвержденные ЖРО, биологические объекты, грунт, органические и неорганические жидкости, пульпы, шламы.

Чтобы получить лицензию на недра, мы идем в Роснедра. Причем процедура получения лицензии здесь для нас не легче, чем, например, для нефтяников или газовиков. Нам для начала нужно распоряжение правительства РФ получить.

Главгосэкспертиза осуществляет государственную строительную экспертизу. Росприроднадзор отвечает за государственную экологическую экспертизу. Я не говорю про уровень исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Ну и все остальные, пожарные в том числе. В общем, хватает у нас регуляторов. Все регуляторы, которые есть в стране, нас регулируют.

Ну и, конечно, Ростехнадзор, для которого регулирование и лицензирование деятельности по созданию пунктов захоронения внове. Мы с ними вместе обучаемся, создаем процедуру лицензирования.

— Вы считаете, такая бюрократия оправданна? Я хочу сказать, что вряд ли, если бы не было этого многоступенчатого регулирования, Росатом просто закопал бы отходы где попало...

— Когда я пришел в НО РАО четыре года назад, мы оценили время, которое должно пройти от момента возникновения идеи о месте размещения объекта до того, как первый

бульдозер начнет подготовку площадки. Так вот, выяснилось, что минимальный срок — семь лет. До начала строительных работ! Попытки поменять что-то в законодательстве мы, конечно, предпринимали, и госкорпорация предпринимала. Но сферы, в которых мы оперируем, настолько консервативны, что пока это оказалось нереально.

— А вы изучали западный опыт в этой сфере? Сколько времени процесс согласования занимает там? Он проходит так же сложно?

— Мы неплохо понимаем ситуацию в Западной Европе и Северной Америке. Там тоже процесс занимает десятилетия. По-видимому, хозяйственный аспект требует определенного времени; и с принятием решений о размещении объектов ни в коем случае нельзя торопиться. Очень трудные проекты. Любая процедура — жесткая, долгая, с большим числом экспертиз, общественных слушаний, сбором мнений.

Когда мы разобрались во всех процедурах, у меня в корне поменялось представление о том, что же это за организация — НО РАО, чем она занимается и что должна собой представлять.

— Что самое сложное при создании объекта нацоператора от проекта до ввода в эксплуатацию?

— Мне сначала казалось, что самое сложное — это нехватка технологий. А теперь я совершенно четко понимаю, что технологии в отрасли есть. Несмотря на то что прежде мы про окончательную изоляцию не говорили, в отрасли есть серьезные заделы по этому вопросу. Мы можем сказать, что готовы и умеем проектировать объекты, строить. Основные сложности связаны со взаимодействием с регуляторами, общественностью, региональными и местными властями, с прохождением формальных и лицензионных процедур.

— Вы уделяете очень много внимания общественным слушаниям, убеждаете не только губернаторов, но и простых людей. Мне казалось, что в России никто народ уже не слушает, достаточно договориться с начальством.

— Мы учитываем общественное мнение. Любой значительный этап нашей деятельности проходит общественные обсуждения. При этом мы, конечно, понимаем, что никто не будет рад размещению у него «в палисаднике» подобного объекта. Название пугает. Но мы-то знаем, что уровень безопасности наших объектов превышает уровень любого современного промышленного производства!

— А как, по вашему мнению, можно повысить уровень общественной

приемлемости атомной отрасли в России?

— Только открытостью. Организовывать визиты на объекты, начиная со школьного возраста, информировать и просвещать людей. С момента нашего прихода в регион до размещения объекта проходит около 10 лет, и по прошествии этого времени школьники станут полноправными гражданами. Есть хорошие примеры на Западе, например, во Франции. Нужно неуклонно, постоянно доносить до населения нашу позицию. Другого рецепта нет. Именно в масштабе региона и района размещения объекта, что особенно важно. Несмотря на то что мы ФГУП и решаем задачу федерального уровня, наше присутствие в локальной точке требует постоянного взаимодействия с общественностью в регионах и на местах.

— **Было ли что-то, что на старте работы представляло серьезный**

риск, а в итоге опасения оказались преувеличенными?

— Не могу, к сожалению, этим похвастать. Все, в чем мы видели риски, подтвердилось в полной мере: и сложности, связанные с неприятием проектов населением, и сложности, связанные с лицензированием, другими разрешительными процедурами.

Разве что риски технологического плана пока не такие острые. Хотя мы существуем всего несколько лет, и нет ни одного объекта, который мы бы построили с нуля, на тех стадиях, на которых мы находимся, пока проблем с технологиями нет.

— **Почему чуть-чуть сдвинулся срок ввода в эксплуатацию пункта захоронения на УЭК?**

— Мы планировали ввести его в начале 2015 года, а сейчас понимаем, что это произойдет во второй половине года. Точную дату назвать не могу.

Она зависит от того, сколько времени займет лицензирование. Я уже говорил, что регулятор вместе с нами учится лицензировать пункты захоронения. Это большая ответственность для регулятора: мы говорим о столетиях, а они на такие сроки лицензий никогда не выдавали. Для них это очень ответственное решение. Поэтому мы отработываем совместно с ними процедуры лицензирования и, самое главное, экспертизы наших материалов по таким объектам.

— **Расскажите, пожалуйста, подробнее про ваши объекты.**

— Три пункта глубинной закачки жидких радиоактивных отходов — в Северске, Железногорске и Димитровграде. Следующий объект на УЭК, это будет первый пункт финальной изоляции твердых отходов 3-го и 4-го классов — низкоактивных и среднеактивных короткоживущих РАО. Далее наш масштабный и уникальный объект в Нижнеканском массиве, там планируется построить глубинный пункт изоляции отходов 1-го и 2-го классов. Проект очень сложный с точки зрения сооружения, безопасности, и срок его функционирования на порядки превосходит все остальные объекты. Там, на глубине около 500 метров, будет размещена подземная исследовательская лаборатория для изучения возможности размещения отходов 1-го и 2-го классов — это среднеактивные долгоживущие и высокоактивные РАО.

— **Этот объект будет единственным в своем роде?**

— Для 1-го и 2-го классов — да, единственным. Этот объект очень сложный с точки зрения создания, безопасности и сроков жизни. Связано это с тем, что 1-й и 2-й классы — это 90 % всей активности, которая накоплена в отрасли.

Кроме этого, мы плотно работаем над обоснованием инвестиций двух объектов: один — в Челябинской области, на территории, прилегающей к промплощадке ПО «Маяк», другой — в Северске, на территории промплощадки СХК. Плюс несколько объектов находятся на ранней стадии — согласования с регионами декларации о намерениях. Это объекты в Сергиевом Посаде, на базе «Радона», а также на Новой Земле. Обсуждается реализация проекта в Сосновом Бору Ленинградской области.

— Но это же больше объектов, чем в инвестпрограмме?

— Конечно, ведь нам приходится работать с запасом. В течение десяти лет подготовки проекта у нас нет гарантии, что объект будет построен. Мы можем сделать проект, получить миллион разрешений, лицензий... Мы можем даже построить этот объект, но мы не можем на 100 % быть уверены, что он примет в результате радиоактивные отходы. Это подтверждает и опыт зарубежных коллег.

Те объекты, на которые заложены средства в инвестпрограмме, у нас в высокой степени проработки. По Сосновому Бору мы хотим подготовить ОБИН в этом году и затем принять решение о целесообразности дальнейшей работы над этим проектом. По Сергиеву Посаду и по Новой Земле хотим в этом году получить решение региона и Госкорпорации на декларацию о намерениях. И дальше будем принимать решение, по какому из этих объектов двигаться и до какой стадии.

— Названия «НО РАО» и «РосРАО» созвучны. Как делаются полномочия между предприятиями? Нет ли пересечений?

— У нас абсолютно никаких пересечений не существует. У национального оператора одна-единственная функция — окончательная изоляция радиоактивных отходов. И никто больше нашей деятельностью заниматься в границах Российской Федерации не может. А РосРАО может заниматься любой предшествующей окончательной изоляции деятельностью, связанной с радиоактивными отходами. Это реабилитация территорий, сбор радиоактивных отходов, их переработка, компактирование, прессование, перевозка — вплоть до временного хранения перед помещением в наши объекты.

— А вы друг у друга сотрудников не переманиваете?

— Мы же в одном блоке, у нас никаких разногласий не было и быть не может.

— Кстати, насчет дивизиона. С одной стороны, дивизион — это подразделение госкорпорации, которое ориентировано на получение прибыли. С другой стороны, в этот дивизион входит ФГУП, у которого такой задачи нет. Как вам живется внутри дивизиона?

— Действительно, дивизион ориентирован на получение прибыли. А у нашей организации прибыли нет, наши тарифы, утвержденные Минприроды, этого не предусматривают.

Особенность нашей ситуации заключается в том, что мы сможем получить прибыль, только увеличив тарифы, то есть, по большому счету, залезая в карманы отраслевых предприятий — что противоречит нашему существованию внутри отрасли. И мы нашли способ разрешить это противоречие: да, мы в дивизионе, но не в том блоке, чьи результаты консолидируются.

— Но ведь прибыль можно обеспечить не только за счет роста тарифов, то есть выручки, но и за счет снижения расходов?

— Тогда мы должны будем снизить тарифы. У нас это так работает.

— А какой тогда у вас KPI?

— В наши KPI заложены главным образом задачи, связанные с движением по оси подготовки наших проектов. Помимо этого, есть еще сквозные KPI, идущие по линии различных служб госкорпорации.

— Закон об обращении с РАО — исчерпывающий ли он? Может быть, что-то требует доработки?

— Закон № 190 — тоннельный для сферы по обращению с радиоактивными отходами. Его цель — создать род деятельности. Он формирует

определенные задачи, которых раньше не было, а также описывает, как в этом направлении двигаться, какие функции и полномочия у участников этого процесса. И закон с этими задачами на текущий момент, мне кажется, достойно справляется.

Но когда тоннельный закон принимается, естественно, предусмотреть все проблемы невозможно, и с рядом из них мы столкнулись. Уже прошло четыре года, и появляется понимание направлений модернизации закона.

Вместе с тем, чтобы что-то изменить, необходима модернизация всего спектра смежного законодательства, от финансово-экономического до охраны окружающей среды.

— А что бы вы модернизировали в законодательстве?

— Я бы оптимизировал количество и продолжительность разрешительных процедур, установил бы более четкую ответственность эксплуатирующих организаций за невыполнение отдельных положений закона. Естественно, попытался бы уточнить спектр ответственности различных регулирующих органов, более четко прописать процедуры.

— В общем, сделали бы все, чтобы облегчить свою жизнь?

— Можно и так сказать. Вполне естественно, что мы не стремимся эту жизнь усложнить. Также, возможно, я уточнил бы схему финансирования деятельности по захоронению.

— А что не так со схемой финансирования деятельности по захоронению?

— Со схемой финансирования, в общем-то, все нормально. Но,

к сожалению, наше финансовое, экономическое, бухгалтерское, налоговое законодательство не учитывает, что в отрасли есть организация, на деятельность которой деньги надо собирать сейчас, а тратиться они будут через многие десятилетия. Такого рода задачи, по-видимому, раньше не ставились и не решались.

А нам приходится их решать, и мы сталкиваемся с «разницей во времени», когда нам надо откладывать деньги и тратить, когда налоги платить.

Сразу возникает много диспропорций. Получил аванс — заплати НДС; объекта еще нет, он построится не скоро, а затраты копи — списывай на убытки. Начинают копиться убытки. А когда начнем принимать объекты в эксплуатацию, с учетом того, что

мы деньги раньше собрали, у нас себестоимость по отчетам будет в разы меньше, чем выручка. Значит, будет бумажная прибыль. Конечно, мы видим необходимость урегулирования этих вопросов на законодательном уровне. Однако это очень сложная задача.

— Вы упомянули про необходимость уточнить ответственность эксплуатирующих организаций. Разве есть проблемы с исполнением закона?

— Таких уж фатальных проблем не существует. У нас предприятия в отрасли, надо отметить, законопослушные. Основная сложность заключалась в том, что прежде не было задачи оплачивать финальную изоляцию РАО, а после принятия закона

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

ОЛЕГ КРЮКОВ,
директор по государственной политике в области РАО, ОЯТ и ВЭ ЯРОО:

«В июле 2011 года был принят федеральный закон „Об обращении с радиоактивными отходами“, в котором было не только введено регулирование отношений в области обращения с РАО, но и начато создание Единой государственной системы для обеспечения безопасного и эффективного захоронения всех отходов: и накопленных, и вновь образующихся.

За прошедшие четыре года была проведена большая организационная работа: правительством РФ приняты более 20 постановлений и распоряжений в области обращения с РАО, создан национальный оператор, проведена первичная регистрация всех отходов, накопленных до принятия закона (это более 800 объектов), создана система финансирования захоронения радиоактивных отходов. Завершился первый этап создания Единой государственной системы обращения с радиоактивными отходами. Все задачи этого этапа были решены в утвержденные сроки, хотя не все шло гладко. Например, первоначально один из наиболее массовых радионуклидов — цезий-137 с периодом полураспада 30,17 года — был отнесен к долгоживущим радионуклидам в связи с тем, что граница отнесения была установлена на уровне

30 лет. В результате для захоронения таких отходов применялись более жесткие критерии, а значит, повышалась стоимость захоронения. Впоследствии были внесены изменения в нормативные акты и граница была установлена на уровне 31 года, что соответствует международной практике. Но таких примеров немного.

За четыре года большие изменения произошли и в деятельности организаций, вследствие которой образуются РАО. Новый закон требует захоронения всех отходов, оплачивать которое обязаны сами организации, поэтому они провели большую работу по оптимизации количества и состава образующихся РАО, по совершенствованию технологий обращения с РАО. Важно, что вся эта работа по оптимизации проводилась и проводится в условиях постоянного

совершенствования системы государственного учета и контроля РАО, поэтому все потоки РАО находятся под контролем.

В 2015 году начался второй этап создания Единой государственной системы обращения с РАО, в ходе которого будет полностью сформирована нормативная база в данной области и будут построены первые очереди пунктов захоронения низкоактивных и среднеактивных отходов.

Закон об обращении с РАО повлиял на все аспекты деятельности в области использования атомной энергии, так как технологический цикл обращения с радиоактивными отходами является самым длинным технологическим циклом, и его экономику нельзя не учитывать в экономике основных видов деятельности и при разработке новых ядерных технологий».

такая обязанность появилась. Никто, конечно, не рад дополнительным затратам И никто сразу не меняется. Причем в законе переходный период предусмотрен не был. А на деле, в жизни он так или иначе есть: в один день всю систему обращения с радиоактивными отходами не перестроить.

— *А есть злостный неплательщик?*

— Я говорю не о том, что в отрасли есть злостные неплательщики. Я говорю о том, что у ряда предприятий из-за изменения технологических цепочек обращения с радиоактивными отходами возникли сложности. Ряд проектов по нашей тематике

был запущен до появления НО РАО, некоторые предприятия находятся на стадии их завершения, поэтому не полностью соответствуют закону. Кроме того, не все исполнители гособоронзаказа в состоянии сразу включить затраты на РАО в стоимость изделий. Это объективные проблемы, которые постепенно решаются.

— *В новой ФЦП по ядерной и радиационной безопасности какие параметры для нацоператора закладываются?*

— Мы принимаем участие в ее создании, мы подготавливаем предложения и представляем их

в госкорпорацию. Сегодня в ФЦП есть четыре наших объекта. Самый главный — Нижнеканский массив. Он главный по стоимости, по срокам реализации — флагманский. И еще три пункта, которые я выше перечислил, тоже в ФЦП.

Кроме того, ФЦП разбивается на своего рода укрупненные блоки: обращение с ОЯТ, создание объектов инфраструктуры, реабилитация и вывод из эксплуатации. И разделы по реабилитации и выводу из эксплуатации, которые напрямую не затрагивают НО РАО, не могут планироваться без учета наших возможностей. Ведь после вывода из эксплуатации объекта мы — в зависимости

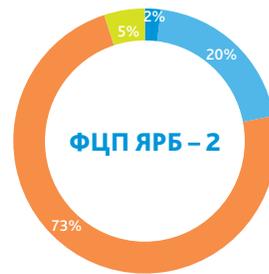
СПРАВКА

ФЦП «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года» — первый, подготовительный этап комплексного решения проблем обеспечения ядерной и радиационной безопасности: обращения с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами, вывода из эксплуатации ядерно и радиационно опасных объектов, а также совершенствования систем обеспечения и контроля. Объем программы составил 145,3 млрд рублей

■ информационное обеспечение
■ создание инфраструктуры
■ решение проблем и радиационно опасных объектов

(в ценах соответствующих лет). Второй этап, рассчитанный на 2016–2030 годы, пред-

■ система контроля ЯРБ
■ защищенность населения и окружающей среды
■ прочее

усматривает развертывание инфраструктуры для вывода ядерно и радиационно опас-

ных объектов из эксплуатации и реабилитации загрязненных территорий. Государственными заказчиками программы определены госкорпорация «Росатом», Минобрнауки, Минпромторг, Ростехнадзор и ФМБА. Общая стоимость программы на период до 2030 года должна составить 523,8 млрд рублей. Финансирование ФЦП осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и внебюджетных источников, включая средства эксплуатирующих организаций атомной отрасли.

от выбранной формы вывода — должны либо принять РАО на захоронение, либо получать лицензию и эксплуатировать объект.

— В какой пропорции финансируются объекты: сколько процентов за счет тарифа, сколько — за счет ФЦП?

— Нижнеканский объект идет по стопроцентному федеральному финансированию. Остальные мы строим и эксплуатируем за счет средств специального резервного фонда № 5, который формируется из платы за услуги по финальной изоляции РАО.

— Какова стоимость объекта в Нижнеканске?

— В деньгах 2014 года он стоил более 20 млрд рублей. Но у нас не так много предприятий, у которых образуются РАО 1-го и 2-го классов, они сами не потянули бы такой объект.

— Изучаете ли вы мировой подход к созданию пунктов окончательной изоляции?

— В нашей сфере международная кооперация весьма распространена. Стран, которые позволили себе начать реальную деятельность по этому вопросу, не так много. Однако все они на старте обсуждения проектов по захоронению, как и мы, столкнулись с проблемами принятия в обществе, и потребовалось привлечение авторитетных международных экспертов. Так родилась кооперация, сейчас много международных и межгосударственных проектов реализуется в рамках МАГАТЭ.

Какое объединение атомщиков ни возьми, везде существуют подразделения, где изучаются вопросы захоронения, идет обмен мнениями. В этом плане нам достаточно легко. Те, кто уже что-то построил или вот-вот построит, приглашают посмотреть объект — это предмет гордости. Мы тесно взаимодействуем с нашими коллегами, в первую очередь, из Западной Европы.

— Есть ли технологии или подходы к организации деятельности в сфере захоронения, которые иностранцы у вас перенимают?

— Пока мы больше смотрим на наших зарубежных коллег, используем их опыт снижения напряженности в местах нашего присутствия. Недавно возили во Францию блогеров, общественных активистов. В Финляндию тоже организовывали поездку.

К слову, про международный опыт. Впервые в отрасли мы намерены провести технологический и ценовой аудит инвестиционного проекта «Строительство объектов окончательной изоляции радиоактивных отходов (Красноярский край, Нижнеканский массив)». Это будет экспертная оценка выбора проектируемых технологических и конструктивных решений по созданию объекта капитального строительства, проверка их соответствия лучшим отечественным и мировым подходам. При этом будут учитываться современные технологии производства, необходимые для функционирования подобного объекта, а также эксплуатационные расходы. Такой механизм позволит нам снизить затраты и проконтролировать использование бюджетных средств.